

Кумиры

В порядке ответной любезности воодушевленный председатель внезапно предложил Высоцкому организовать официальный концерт во Дворце культуры и, получив согласие, тут же уладил все формальности с парткомом шахты и горотделом культуры. Ведь никакого маршрутного листа, дающего право на выступления, у Володи не было и быть не могло. О платном концерте мы и не мечтали.

Договорились о двух концертах: один бесплатный — для утренней шахтерской смены, другой платный — во Дворце культуры, для всех желающих. Весь чистый сбор должен был пойти на ремонт машины, бензин и белгородские яблоки.

Не теряя времени, Володя изъявил желание спуститься в забой.

— Пожалуйста. — Наш благодетель одним телефонным звонком добился разрешения на спуск.

Переоделись мы в какую-то спецодежду, напялили каски. Спустились на километровую глубину, на так называемый горизонт. Походили там по вентиляционному штреку, понаблюдали.

Увиденное меня потрясло: то была сущая преисподняя. Как могут несчастные шахтеры выдерживать это в течение целой смены?! Через пару минут я уже задыхался от нехватки воздуха. Володя же хоть бы хны: знай себе носится вдоль вагонеток, что-то выясняет у сопровождающего нас инженера.

Мыслились мы в кабинках шахтерского душа. Володя очень хотел, чтобы мы снялись там на память в шахтерских касках, но рядом не оказалось фотографа. (Позже Высоцкому от имени шахтеров подарили такую каску.)

После обсуждения программы концерта молодые представители партийно-комсомольского актива пригласили Высоцкого пообедать, как бы случайно забыв обо мне. Машина уже тронулась с места, но Володя был начеку и велел активистам дать задний ход:

— Вы что это моего друга оставили?!

Повезли нас в Донецк, где мы и перекусили в каком-то кафе на открытом воздухе. Активисты вспоминали о выступлении на их шахте Евгения Евтушенко, о его несбывшемся обещании приехать еще раз. Поговорили и о Махно — в связи с нашей предстоящей поездкой в Гуляйполе. Начальники были искренне удивлены, что мы собираем какие-то новые материалы о пресловутом атамане: «А чего искать, ведь о нем все уже у Алексея Толстого написано».

На другое утро Володя дал большой концерт в переполненной нарядной шахты — специально для горняков. Спел он им и «Черное золото», но слушатели прореагировали на нее без восторга.

Тогда Володя исполнил несколько легких песен — для бодрости, перед выходом на смену, и расшевелил аудиторию. Помню реакцию на «Поездку в город» — на слова: «Дашь духи на опохмелку», помню сильный гул в зале — то ли акустика, то ли шахтеры переговаривались.

Как и обещала одна из наших попутчиц, ее муж, работавший начальником участка, подобрал группу умельцев, не мешкая приступил к косметическому ремонту нашего «Москвича». Договорились, что недостающую часть денег за продолженную работу мы вышлем им сразу же по возвращении в Москву.

Но к следующему утру машина еще не была готова, и мы отправились в Гуляйполе на служебной черной «Волге», которую нам любезно выделила дирекция шахты.

□ □ □

Из Макеевки мы выехали довольно рано. И наконец-то добрались до цели нашего путешествия. Смотрю во все глаза на махновскую столицу: хаты, повозки — ни одной автомашины, — казалось, время остановилось и отбросило нас вспять.

Узнав адрес племянниц Махно (Степная улица, 63), подъехали прямо к их дому. На наш стук вышла сама Анастасия Савельевна Мищенко — сплошная опаска и настороженность. Какая-то баба с возу, увидев нас, кричит ей:

— Ну шо, опять до Махна?!

Чистая украинка, Анастасия Савельевна плохо говорила по-русски. Но ее младшая сестра (кажется, двоюродная), прожившая много лет в Сибири и по характеру более открытая, помогала «переводить» нам рассказы сестры. Чтобы завоевать ее доверие, мы, задавая вопросы, намеренно величали дядю только по имени-отчеству: Нестор Иванович. Это сработало, и племянница, постепенно преодолевая подозрительность, стала рассказывать все, что помнила. Я времена-

ми задавал вопросы и записывал ее ответы, а Володя сидел рядом и с интересом слушал. Если, увлекшись рассказом племянницы, я вдруг забывал конспектировать, Володя с чуть заметным недовольством призывал меня к серьезности:

— Ты записывай, записывай.

Мол: «Ты же приехал сюда работать, а не ласы точить». К работе у него всегда было фанатичное отношение.

Первый же рассказ Анастасии Савельевны нас сильно смутил. Какой-то махновец отнял буханку хлеба у жителя Гуляйполя. Тот пожаловался батьке, обидчика быстро отыскали, он во всем признался, просил о снисхождении, но Махно был неумолим и лично расстрелял виновника из маузера. Выслушав этот эпизод, мы с Володей молча переглянулись...

Племянница рассказывала в основном о мирном, начальном периоде деятельности Махно, когда он был избран председателем Гуляйпольского совдепа, страстно агитировал за безвластные советы и волные коммуны, где вместе с крестьянами-бедняками могли бы трудиться и кулаки, и «кающиеся» помещики. Очень любил выступать на митингах, был невероятно энергичен и целеустремлен. «Церкви он не трогал, — подчеркнула она. — Но попов мог расстрелять, если те шпионили». (Оживленно обсуждая в машине на обратном пути наш визит, Володя выделил и этот момент: «Слышал — а церкви-то он не трогал...»)

Свадебное путешествие, 1971 г.

Обе племянницы возмущались тем, как показывали их дядьку в кино: «Это неправда, он не был таким!» Но на вопрос Высоцкого, как Анастасия Савельевна относится к деятельности дяди, та ответила буквально следующее: «Отрицательно, потому что из-за него пострадали все мы, его близкие». Вот и борись после этого за народное счастье!

Но племянница не преувеличивала. Позже, уже в Москве, я узнал, что ее отец, старший брат и сподвижник батьки, ветеран русско-японской войны, был расстрелян большевиками — главным образом из-за своей фамилии. Другого брата, мирного, богобоязненного крестьянина Емельяна, расстреляли гетманцы — по той же причине. Третий, Григорий, погиб в бою с денкинцами. Тестя Махно, отца Галины Кузьменко, ликвидировали красные — также за родственную связь. Дом самого батьки сжигали неоднократно — то гетманцы, то белые, то красные. Оставшись без крова, он некоторое время ютился с семьей в тесной хате родителей Анастасии Савельевны, хотя мог реквизировать лучший дом в Гуляйполе. Впрочем, позже спалили и эту хату.

Трагично сложилась судьба и Галины Андреевны Кузьменко, бывшей первой красавицы и первой леди экспериментальной республики. Ее жизнь — острозащитный приключенческий роман.

Мечтательная «невеста христова» и отважная амазонка, школьная учительница в Гуляйполе и прачка в пансионе парижского пригорода, поднадзорная беженка в Бухаресте и работница хлопчатобумажного комбината в Джамбуле. Золотая медалистка женской семинарии и узница Юзефа Пилсудского и Иосифа Сталина.

Такими же резкими перепадами полна и личная жизнь Кузьменко: сегодня — беглая монашенка, невеста богатейшего барона, завтра — всеисильный шеф следственной Комиссии контрразведки, жена атамана-бессребренника. О ее популярности говорят куплеты, которые горлачили перебравшие повстанцы:

Ура, ура, ура —

Пойдем мы на врага,

За матушку, Галину,

За батьку — за Махна.

В 1940 году, после оккупации Франции, Галина Кузьменко была вывезена вместе с дочкой на принудительные работы в Германию. В 1945-м, после разгрома рейха, выдана союзниками органами НКВД, судима и приговорена к десяти годам заключения. Освободившись по амнистии в 1954 году, прозябала вместе с дочерью в казахстанской глуши. Побывала пару раз в Гуляйполе.

Обо всем этом мне стало известно много позже. А в тот день Анастасия Савельевна не стала ничего рассказывать о репрессированной родственнице — лишь подтвердила факт ее красоты, отвечая на наш с Володей единственный вопрос, в котором совместными усилиями мы блеснули знанием украинского:

— Чи то правда, шо Галина була гарна дивчиною?

— Дуже гарна.

Рассказала племянница и про то, как Махно в качестве военной хитрости устраивал карнавалы-свадьбы. (Об этом есть у Бабеля: натура артистическая, Нестор Махно любил такие яркие, красочные действия с переодеваниями, причем чаще всего наряжался вражеским офицером, церковным служкой или невестой. Именно в роли невесты обесмертил Махно в графическом цикле «Махновщина» замечательный художник Чекрыгин.)

Махновщина вообще сама по себе была вдохновенной импровизацией на подмостках Украины, разыгранной в духе «Театрального Октября» драматической вакханалией, в которой жизнь и смерть — не знатные «варяжские гости», а часть грандиозной массовки. О таком народном театре под открытым небом Мейерхольд с Вахтанговым могли только мечтать.

...Я спросил Анастасию Савельевну, нет ли у нее фотографий дяди. Оказалось, кое-что есть. Она вынесла прекрасное фото Махно с

дочкой Леной: прелестная девочка лет восьми — десяти рядом с отцом — симпатичным, интеллигентным, при галстуке и — с шашкой на боку. Я заметил, как удивил Володю этот снимок. Показала также большую настенную, грубо ретушированную фотографию дяди и письмо от Махно — вместе с фотокарточкой оно спокойно пришло из Парижа в начале тридцатых.

Племянница заверила, что, кроме этого письма, у них от дяди ничего больше не осталось; что с этого снимка мы можем снять копию, но нам она его не отдаст, потому что уже приезжали какие-то люди из города, взяли фотографию с Махно и не вернули.

— Да это наверняка наши Фрид и Дунский, — улыбнулся Володя, имея в виду сценаристов фильма «Служили два товарища».

Меня заинтриговало содержание письма:

— А о чем Нестор Иванович вам пишет?

— Да о своем житье-бытье в Париже.

— А чем он там занимался?

— Журналистом был. Статьи писал всякие.

Мы были поражены: надо же, «отпетый головорез» и — интеллектуальный труд?!

Очень хотелось увидеть кого-нибудь из оставшихся в живых сподвижников Махно. Оказалось, что недалеко живет дед, воевавший какое-то время вместе с батькой. Сейчас он трудился в совхозе имени Энгельса. Поехали искать этого махновского ветерана.

Надо сказать, что местные жители боялись говорить с нами на эти темы. Мы им на все лады объясняли, что Володя — актер, а я — сценарист, что к ГПУ и НКВД мы никакого отношения не имеем, но ничего не помогло: какой-то подспудный страх сидел в них до сих пор — крепко, видно, их в свое время прижали.

В конце концов удалось разыскать этого соратника. Оказалось, что пробыл он у Махно лишь несколько месяцев, а потом жена (она присутствовала при нашей беседе — молодая, бойкая женщина) предъявила ему ультиматум: или семья, или ратные подвиги — и увела его из боя. Простые слова, живые интонации, бытовые детали — это для меня было главным в рассказе старика. Поведал он нам и о начале вооруженной борьбы Махно с немецкими оккупантами и гетманщиной. Узнав об очередных бесчинствах карателей над мирным населением, батька собрал самых верных своих соратников (среди них был и наш дед), и, обнажив шашку, призвал к отпущению: «Око за око, зуб за зуб». Вспоминая батьку и его белого коня, старик прослезился. Он трактовал его как настоящего сказочного витязя, бесстрашного народного вожака.

Коснулся дед и теневых сторон махновского движения, признав, что армия кишела уголовными элементами. В подтверждение своих слов рассказал кошмарную историю, свидетелем которой был он сам: о старом, мирном еврее с библейской бородой, повешенном «повстанцами» на телеграфном проводе. Во время казни глаза у несчастной жертвы готовы были вылезти из орбит, «как у Ивана Грозного, убивающего сына», поминте картину художника, как его... Репина — так он, удивив нас эрудицией, закончил свое страшное повествование.

— А как реагировал сам Нестор Иванович на подобные зверства?

— Когда узнавал, то виновных расстреливал на месте. Да разве за всеми уследишь?

...За «грехи юности» старик поплатился длинным сроком лагерей, хотя никакого участия в борьбе собственно с Советской властью не принимал. Это подтвердила и его жена. Его единственным преступлением было то, что с немцами, гетманом и Петлюрой он сражался вместе с Махно.

Володя спросил у него, что он думает о махновщине на закате жизни. Вот его дословный ответ: «Раз он проиграл, значит, правда была не за ним. Нельзя было идти против большинства...»

□ □ □

Вечером того же дня, уже в городе, где мы снова ночевали у Аллы, Володя рассказывал о нашей поездке, и было заметно, что он уже входит, «вживается» в роль Махно... И газета «Вечерний Донецк» пишет об этом же: «Итак, все, кому довелось встречаться с Высоцким, утверждают, что он задумал фильм, готовился исполнить в нем роль атамана...»

...Вечерний концерт Высоцкого во Дворце культуры прошел успешно, но без особого ажиотажа. После концерта к нам подходили молодые шахтеры из числа комсомольских активистов и говорили Володе примерно следующее: «А почему у вас такие грустные песни? Нету в них бодрости, оптимизма. Я вот доволен своей работой, своей жизнью»; «А как вы относитесь к Ободзинскому?»; «В их репликах смутно улавливалось инстинктивное классовое недоверие к Высоцкому: «Вроде бы свой, а все ж таки не Хиль, не Кобзон».

Накануне отъезда, в тот же вечер, на квартиру к нашей хозяйке пришли дети шахтерской элиты (местная «золотая молодежь»), чтобы пообщаться с Высоцким. Узнав, что мы попали в аварию, собрали между собой какие-то деньги и передали Володе. Ребята принесли с собой выпивку, девушки — термос с кофе на дорогу. Во время ужина Володя, конечно, не пил, но мне сказал чуть раздраженно:

— Выпей с ними, будь попроще, не надо людей обижать.

В этот вечер он много пел (хотя записывать себя почему-то не разрешил), охотно отвечал на вопросы, раздавал автографы. Гости разошлись уже за полночь.

А ранним утром мы были в пути. Машина — на ходу, масло — не течет. Где-то около Курска Володя вновь сел за руль. Тогда впервые у нас с ним произошло нечто вроде ссоры. На этот раз я не выдержал и повысил на него голос:

— Ну зачем ты поехал на красный? Люди ведь могут из-за тебя пострадать!

— Если будешь так со мной разговаривать, то мы поссоримся. Ну да, я знаю, ты меня любишь, но этот тон...

— Но ты же знаешь, что сейчас я за тебя отвечаю. Перед Мариной, перед матерью — да перед всеми!..

На этот раз Володя промолчал. И до самого возвращения в Москву больше за руль не просился. О ссоре мы не вспоминали — быть может, он признал мою правоту.

В Москве он мигмом пристроил мою машину на станцию техобслуживания — по блату, через знакомого замминистра. Но министерский блат не очень-то помог: мастера мне дали понять, что по госрасценкам они стараться не будут. И запросили грабительскую сумму — триста рублей. Узнав об этом, Володя на следующее же утро приехал ко мне, выложил требуемые триста и, улыбаясь, сказал:

— Теперь ты видишь, кто твой единственный друг?

□ □ □

...Через пару лет я получил из Франции письмо — запоздалый отзвук нашего путешествия в Гуляйполе. Вот что сообщала благополучно эвакуировавшаяся в «забугорье» Мишель Кан: «Приятели друзей, ленинградский художник, попавший сюда с женой и детьми через Израиль, рассказал мне следующее. У его знакомой, потомка художника Ге, с которой я тоже познакомилась (старушка лет восьмидесяти, с фигурой сорокалетней, страшно милая), висит в гостиной странный рисунок, явно не профессиональный. Когда он увидел подпись, то остолебенел: «Откуда у вас этот рисунок и знаете ли вы, кто это?»

Автору рисунка старушка видела всего один раз, кто он такой, не имела понятия, просто рисунок ей почему-то понравился, и она его сохранила. Этого человека в начале тридцатых привел к ней на вечеринку один ее знакомый. Это был довольно плохо одетый и ничем не примечательный мужчина маленького роста. Но он привлек всеобщее внимание, когда внезапно забился в конвульсиях. Вызвали врача. Тот посоветовал оставить его ночевать, поскольку двигаться ему было никак нельзя.

Наутро, когда хозяйка зашла его проведать, он был уже здоров и выразил желание как-то ее отблагодарить. В знак признательности он и оставил ей на память этот рисунок. А имя того человека было — Нестор Махно...»

Фото из архива автора

Редакция благодарит Государственный культурный центр-музей В.С. Высоцкого за помощь в подготовке материала.

ПромКабельСтрой
предлагает:
КАБЕЛЬ
нефтепогружной силовой
телефонный контрольный
ПРОВОД, МУФТЫ
(095) 956-6354, 232-3109
742-7761, 232-3944
г. Пермь: (3422) 73-0090